

Ф. И. СВИСТУНЪ.

Прикарпатская Русь подъ владѣніемъ Австріи.

Съ предисловіемъ *Т. Т. Аристова.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Печатая въ исправленномъ и дополненномъ видѣ единственный въ своемъ родѣ и почти неизвѣстный въ Россіи трудъ Ф. И. Свистуна, подъ заглавіемъ: «Прикарпатская Русь подъ владѣніемъ Австріи», сообщаемъ краткія біографическія свѣдѣнія объ авторѣ, извѣстномъ галицко-русскомъ ученомъ, публицистѣ и общественномъ дѣятелѣ.

Филиппъ Ивановичъ Свистунъ родился 15 (27) ноября 1844 года въ Галичинѣ, въ деревнѣ Тоболовѣ, Струмилово-Каменецкаго уѣзда, въ крестьянской семьѣ. Начальное образованіе получилъ въ народной школѣ въ Витковѣ и городскомъ училищѣ въ Бродахъ, затѣмъ учился въ академической гимназій въ Львовѣ и въ 1863 году поступилъ на философскій факультетъ Львовскаго университета, гдѣ слушалъ лекціи по исторіи, географіи, классической филологіи и философіи и работалъ въ историческомъ семинаріи подъ руководствомъ Г. Цейссберга, впослѣдствіи профессора Вѣнскаго университета.

Въ 1867 году Ф. И. Свистунъ занялъ должность преподавателя гимназій Франца-Іосифа во Львовѣ, а въ 1870 году былъ назначенъ профессоромъ (преподавателемъ) гимназій въ Ряшевѣ. Педагогическая дѣятельность его продолжалась свыше 33 лѣтъ. Въ 1901 году онъ вышелъ въ отставку и принялъ должность хранителя бібліотеки и музеевъ «Народнаго Дома» во Львовѣ.

Въ томъ же 1901 году общее собраніе членовъ «Общества имени Михаила Качковскаго» избрало Ф. И. Свистуна въ составъ главнаго правленія и съ этого времени онъ управлялъ Обществомъ сперва въ качествѣ товарища предсѣдателя (вмѣсто больного Б. А. Дѣдицкаго), а затѣмъ, съ 1903 года, какъ предсѣдатель. Его трудами и заботами кругъ дѣятельности Общества былъ значительно расширенъ и число членовъ возрасло съ 6-ти до 11-ти тысячъ. Не довольствуясь издачіемъ книжекъ духовно-нравственнаго содержанія, Общество начало устраивать курсы по сельскому хо-

зайству, основывать кооперативные союзы, заводить опытные и показательные поля, распространять лучшие и неизвестные еще крестьянам сорта сѣмянъ и земледѣльческихъ орудій, организовывать страстную учителей по сельскому хозяйству и учреждать вольные пожарные дружины,—вообще работать и на экономическомъ поприщѣ на пользу бѣднаго, забитаго населенія Галичины.

Въ 1908 году Ф. И. Свистунъ былъ избранъ председателемъ научно-литературнаго Общества «Галицко-Русская Матица», дѣятельность котораго, однако, должна была на время прекратиться вслѣдствіе большой задолженности по своимъ изданіямъ.

На литературное поприще Ф. И. Свистунъ выступилъ въ 1875 году, когда началъ сотрудничать во львовскомъ «Словѣ», помѣщая въ немъ безъ подписи вплоть до прекращенія этой газеты въ 1886 году свои статьи о политической, церковной, школьной и вообще культурной жизни Карпатской Руси. Писалъ онъ также въ газетахъ, издававшихся покойнымъ О. А. Марковымъ: «Проломѣ» (1882), «Новомъ Проломѣ» (1883—1887), «Червонной Руси» (1888—1890), «Галицкой Руси» (1891—1892) и «Галичанинѣ» (съ 1892 г.).

Важнѣйшія статьи Ф. И. Свистуна появились въ «Бесѣдѣ» О. А. Мончаловскаго за 1888—1898 годы, а интересные письма изъ Галичины печатались въ выходившемъ въ Петроградѣ подъ редакціей покойнаго проф. А. С. Вудиловича журналѣ «Славянское Обозрѣніе».

Съ 1894 г. Ф. И. Свистунъ принималъ дѣятельное участіе въ изданіяхъ «Общества имени Михаила Качковскаго», въ которыхъ напечатано много его рассказовъ, историческихъ повѣстей и статей по исторіи, географіи, гигиенѣ, политической экономіи, законовѣдѣнію и народному образованію. Съ 1904 года онъ состоялъ редакторомъ изданій этого Общества.

Статьи Ф. И. Свистуна помѣщались также во «Временникѣ Ставропигійскаго Института», «Научно-Литературномъ Сборникѣ Галицко-Русской Матицы» и въ «Вѣстникѣ Народнаго Дома».

Помимо литературныхъ трудовъ, Филиппъ Ивановичъ всегда принималъ дѣятельное участіе въ общественной жизни Галицкой Руси. Въ самое послѣднее время, незадолго до великой войны, когда Галичину постигъ страшный голодъ, онъ былъ избранъ председателемъ «Русскаго Спасательнаго Комитета», вѣдавшаго дѣло помощи галицко-русскимъ крестьянамъ. Начавшаяся великая война заставила Филиппа Ивановича Свистуна вмѣстѣ съ другими галицко-русскими дѣятелями переселиться

въ предѣлы Россіи, въ Ростовъ-на-Дону, гдѣ онъ и скончался 13 (26) іюня 1916 года.

Лица, болѣе подробно интересующіяся жизнью и дѣятельностью Ф. И. Свистуна, могутъ найти его автобіографію, перечень всѣхъ напечатанныхъ сочиненій, портреты, указатель о немъ литературы и проч. во второмъ томѣ изслѣдованія *Θ. Θ. Аристова «Карпато-русскіе писатели»*.

Θ. Θ. Аристовъ.

I. Первый раздѣлъ Польши и занятіе Галичины и Буковины Австріей.

Въ выборѣ Станислава-Августа Понятовскаго польскимъ королемъ Австрія видѣла опасность для своихъ интересовъ и поэтому поручила своему посланнику Мерси всеми возможными способами противодѣйствовать возведенію на польскій престолъ лица, о которомъ было извѣстно, что оно пойдетъ рука-объ-руку во внутренней и внѣшней политикѣ съ Россіей и Пруссіей. Лѣтомъ 1764 г. съѣхались въ Бардіевѣ, городѣ Прашевскаго комптата, и въ Любомлѣ, на Спишѣ, противники русской (Чарторыйскаго) партіи, именно: епископъ Краковскій Солтыкъ, епископъ Каменецкій Красинскій, вельможи Браницкій, Ржевусскій, Томашъ Солтыкъ, князья Любомірскіе, чтобы, съ согласія Австріи, возбуждать своихъ земляковъ противъ Россіи и Пруссіи. Другіе эмигранты собирались въ Угріи, въ Земплинскомъ комптатѣ.

Однако, несмотря на всѣ усилія Австріи, 7 сентября 1764 г. королемъ польскимъ единогласно былъ избранъ Станиславъ Понятовскій. Тогда канцлеръ Кауницъ, руководившій австрійскою иностранною политикою, въ виду совершившагося факта, рѣшилъ больше не выступать противъ новоизбраннаго короля, а вмѣстѣ съ Франціей направить свои усилія, чтобы новый король освободилъ себя отъ зависимости отъ Россіи и Пруссіи ¹⁾.

Послѣдовавшія вскорѣ событія въ Польшѣ не предвѣщали успѣха этой политикѣ. Хотя король и Чарторыйскіе отклонили проектъ заключенія наступательно-оборонительнаго союза Польши съ Россіей и желали вести самостоятельную внѣшнюю и внутреннюю политику, однако, такая политика была уже непосильна ихъ разслабленному отечеству. Противъ нихъ стали возникать конфедераціи: протестантовъ въ Торунѣ, православныхъ въ Луцкѣ и сторонниковъ древнихъ шляхетскихъ вольностей въ Радомѣ. Послѣдняя рѣшила даже опереться на Россію.

Такимъ образомъ Россія имѣла преобладающее вліяніе въ Польшѣ. Ея посоль Реннинъ, располагавшій 8.000 войска, стоящаго въ Литвѣ, имѣлъ

¹⁾ Fr. Krones: «Geschichte der Neuzeit Oesterreichs», стр. 310.

въ Варшавѣ авторитетный голосъ, чѣмъ и воспользовался, чтобы прежде всего облегчить судьбу православныхъ. Въ іюлѣ 1765 г. прибылъ въ Варшаву Конисскій, православный епископъ Могилевскій, чтобы добиться у короля возвращенія 150 церквей, захваченныхъ уніатами. Россійскій посолъ Репнинъ вступился за него, и король не могъ отказать въ его требованіи. Конисскій отправился въ восточныя воеводства Польши и возвратилъ православнымъ около 300 церквей. По настоянію Репнина польскій сеймъ 1766 г. особою конституціей призналъ свободу вѣроисповѣданія и совершенія богослуженій въ протестантскихъ и православныхъ церквахъ, разрѣшилъ возобновлять развалившіяся церкви, существовавшія въ 1717 году, и освободилъ духовенство и церковный причтъ отъ всякихъ налоговъ и податей.

Если у диссидентовъ, т.-е. у православныхъ и протестантовъ, не было своей церкви, то они могли совершать богослуженіе въ частномъ домѣ, мертвецовъ же своихъ хоронить на католическомъ кладбищѣ, въ мѣстѣ, которое укажетъ имъ католическій епископъ. Конституція сейма 1767—1768 г., хотя и объявила католическую религію господствующею въ Польшѣ и запретила переходъ изъ нея въ другое вѣроисповѣданіе, все же дала диссидентамъ новыя льготы. Она упразднила всѣ старыя эдикты противъ еретиковъ и конституціи отъ 1713, 1717, 1736, 1764 гг., направленные противъ иновѣрцевъ. Диссидентамъ разрѣшалось возвращать занятыя католиками послѣ 1717 г. церкви и строить новыя, ихъ освободили отъ римскаго духовнаго суда и отъ обязанности платить латинскому духовенству *jura stolae*. Разрѣшались смѣшанныя супружества, а для споровъ между иновѣрцами и католиками въ духовно-церковныхъ дѣлахъ устанавливался смѣшанный судъ изъ 8 диссидентовъ и 8 католиковъ. Диссидентамъ открывался доступъ ко всѣмъ должностямъ и чинамъ Рѣчи Посполитой. Противившіеся уступкамъ въ пользу диссидентовъ епископы: Краковскій—Солтыкъ и Кіевскій—Іосифъ Залускій, а также гетманъ Вацлавъ Ржевускій были арестованы генераломъ Игельстромомъ и подъ стражей сосланы въ Россію, въ Калугу. Епископъ Каменецкій Красинскій, державшій ихъ сторону, спасся бѣгствомъ, переодѣвшись евреемъ.

Принципы вѣротерпимости, провозглашенные подъ вліяніемъ Россіи, задѣли за живое рьяныхъ польскихъ католиковъ. Особенно латинское духовенство и польская шляхта Подолія, Волыни и Украйны, видя вокругъ себя возстановляющееся православіе, испугались утраты своихъ мѣстъ и даже имѣній въ русскихъ земляхъ и забили тревогу. Избѣгшій російскаго плѣна епископъ Адамъ Красинскій и Варецкій староста Іосифъ Пуласскій заключили въ Барѣ, маленькой крѣпости Брацлавскаго воеводства, 29 февраля 1768 г. конфедерацію, чтобы защищать преимущества католицизма и освободить Польшу отъ русскаго вліянія. Конфедерація распространилась вскорѣ на всю Малопольшу и всюду по-

являлись большіе и маленькіе отряды, сражавшіеся отчаянно, но безуспѣшно, съ русскими войсками, прибывшими для подавленія новаго движенія.

Въ Сяноцкомъ округѣ собралось около 6.000 конфедератовъ подъ предводительствомъ Браницкаго, котораго вскорѣ замѣстилъ Мартинъ Любомірскій, принявшій титулъ генералъ-региментаря Краковскаго, Салдомірскаго и Русскаго воеводства. Религіозный фанатизмъ и ненависть къ православію, раздуваемые конфедератами, вызвали противодѣйствіе со стороны малорусскаго населенія. Подъ предводительствомъ Желѣзняка, Бѣлуги, Усача, Шила, Гонты и другихъ возсталъ народъ на Украйнѣ, убилъ въ одной Умани 18.000 католиковъ и евреевъ и мстилъ за обиды, наносимыя православною вѣрѣ. Конфедераты во многихъ мѣстахъ враждебно выступали также и противъ униатовъ, обвиняя ихъ духовенство въ томъ, что оно якобы, по порученію своихъ владыкъ, подстрекаетъ на исповѣди народъ къ возстанію противъ конфедератовъ ¹⁾. Этимъ обвиненіямъ повѣрили католики, и униатскіе епископы рѣшили собраться 16 іюля 1769 г. во Львовѣ на совѣщаніе, чтобы рѣшить, какимъ образомъ опровергнуть взводимую на ихъ духовенство клевету. Вражда конфедератовъ противъ униі возмутила русскихъ лемковъ. Тотчасъ возстали жители русскихъ селъ Мушинскаго лѣчебнаго источника, принадлежавшаго Краковскому епископу. Они собрались подъ одной горой, окопались и оттуда производили нападенія на шляхетскіе дворы и отряды конфедератовъ. Поляки видѣли въ этомъ возстаніи крестьянъ подстрекательство «Москвы» и искали связи между нимъ и подобными же событіями на Украйнѣ ²⁾, хотя оно было вызвано исключительно религіозной враждой и притѣсненіями со стороны конфедератовъ. «Року Божія 1769, конфедераты въ горы вбѣлись, обозы ставили, села сожигали, людей вѣшали. Брали на силу воловъ, коней и всякую дань. Изъ русскихъ священниковъ брали по три дукаты, а кромѣ того, овесъ, масло, и що понадобилось: солонину, куры, гуси, хлѣбъ. Людей гнали они рубати лѣсъ и сыпати шанцы». Такъ гласитъ современная записка на евангеліонѣ ³⁾,

Изъ иностранныхъ государствъ къ конфедератамъ благоволили Франція и Австрія. Конфедераты надѣялись на ихъ помощь. Въ октябрѣ 1768 года одинъ изъ конфедератскихъ вождей, Красинскій, отправился въ Версаль и посѣтилъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ Вѣну. Еще передъ прїѣздомъ Красинскаго Франція усердно занялась дѣломъ Барской конфедерации и чрезъ своего посланника Верженнъ склонила Турцію къ объявленію

¹⁾ Антоній Добрянскій: «Исторія епископовъ трехъ соединенныхъ епархій: Перемышльскаго, Самборскаго и Сяноцкаго». Львовъ, 1893. Глава: Афанасій Шептицкій.

²⁾ St. Wodzicki: «Wspomnienia z przeszłości 1768—1840». Краковъ, 1874, стр. 33.

³⁾ А. С. Петрушевичъ: «Сводная галицко-русская лѣтопись 1700—1772», стр. 288.

Россіи войны, Австрія же въ концѣ 1768 г. позволила конфедератамъ избрать силезскій городъ Гѣшинъ мѣстомъ совѣщаній и своимъ убѣжищемъ. По мѣрѣ того, какъ русскія войска разбивали конфедератовъ и вытѣсняли ихъ изъ Польши—Шарышскій комитатъ въ Угріи сдѣлался для нихъ главнымъ убѣжищемъ. Одновременно Австрія отправляла свои войска, которыя въ началѣ 1769 г. расположились на польско-австрійской границѣ на пространствѣ отъ Силезіи до Семиграда, включая и послѣдній край. Хотя Австрія объявила себя нейтральною по отношенію къ совершившимся на ея сѣверо-восточной границѣ событіямъ, все-таки многіе полагали, что она поспѣшитъ на помощь конфедератамъ. Папскій нунцій писалъ 13 мая 1769 г. въ Римъ объ этой помощи, какъ не подлежащей ни малѣйшему сомнѣнію. Съ этой же точки зрѣнія смотрѣли также и на занятіе австрійскими войсками (весною 1769 г.) 13 спишскихъ городовъ, входившихъ въ составъ Рѣчи Посполитой съ 1412 г. Къ войнѣ съ Россіей склоняли Австрію Франція и Турція. Последняя предлагала, въ случаѣ побѣды, подѣлиться съ Австріей польскими землями.

Для такой войны нужна была, однако, если не помощь, то по крайней мѣрѣ нейтральность Пруссіи. Чтобы вывѣдать о расположеніи Фридриха II, Кауницъ устроилъ двукратный съѣздъ Іосифа II съ прусскимъ королемъ: въ августѣ 1769 г. въ Ниссѣ и въ сентябрѣ 1770 г. въ моравскомъ Новомъ-Мѣстѣ. Фридрихъ II давалъ уклончивые отвѣты, обѣщая лишь свое посредничество при заключеніи мира между Россіей и Турціей, такъ какъ Австрія грозила, въ случаѣ продолженія войны, выступить въ защиту Турціи. Іосифъ II убѣдился, что существуетъ тѣсная дружба между Фридрихомъ II и Екатериною II. Дѣйствительно уже тогда существовалъ тайный договоръ между Пруссіей и Россіей, обезпечивавшій послѣдней дѣятельную помощь въ случаѣ войны ея съ Австріей.

Согласно обѣщанію, данному Іосифу II, Фридрихъ II отправилъ въ октябрѣ 1770 г. принца Генриха въ Петроградъ, чтобы склонить Россію къ скорѣйшему окончанію турецкой войны и заключенію такого мира, который не слишкомъ бы нарушалъ интересы Австрій. Сверхъ того принцъ Генрихъ долженъ былъ предложить русскому двору проектъ раздѣла Польши между тремя сосѣдними государствами. Это средство должно было примирить интересы Австрій, Россіи и Пруссіи. Фридрихъ II надѣялся при осуществленіи этого проекта получить для себя большія выгоды. Во-первыхъ, Пруссія могла, распространивъ свои предѣлы къ западу, обезпечить за собою Силезію и восточную Пруссію; во-вторыхъ, она надѣялась, отдавъ въ руки Австрій часть Польши, какъ вознагражденіе за утрату Силезіи, задобрить Австрію и освободиться отъ вражды и опасности. Мысли, предлагаемыя прусскимъ принцемъ, пали въ Петроградѣ на благопріятную почву, тѣмъ болѣе, что годъ тому назадъ Австрія, завладевъ спишскіе города, первая подала примѣръ раздѣла Польши. Фридрихъ II

совѣтоваль Австріи занять не только часть Польши, но также Молдавію и Валахію.

Австріи предстояло или выступить на защиту Турціи и объявить войну Россіи, или искать, въ виду усилившагося могущества Россіи на югѣ, вознагражденія для себя за счетъ Польши. Австрія избрала послѣднее. Хотя она 15 августа 1771 г. заключила съ Турціей тайный договоръ, въ силу котораго обязалась за уступку Малой Валахіи по Аляту охранять территориальную неприкосновенность Турціи, но на дѣлѣ дѣлала приготовленія къ занятію земель у сѣвернаго и восточнаго склоновъ Карпатъ.

Еще 19 іюля 1770 г. придворнымъ военнымъ совѣтомъ отданъ былъ приказъ занять войсками южную часть старостствъ Сандецкаго, Новоторгскаго и Чорштинскаго и одновременно архивариусъ Розенталь и директоръ придворной бібліотеки Колларъ получили повелѣніе собрать всѣ историческія свидѣтельства, доказывающія права Австріи на польскій Спись и смежныя области. Фридрихъ II ликовалъ. «Ищите дальше,—говорилъ онъ австрійскому посланнику Фанъ Свитець,—можетъ-быть, у васъ найдется еще право на какое-нибудь польское воеводство». Занятіе сѣвернаго склона Карпатъ Австріей было рѣшено. Она намѣревалась овладѣть также Молдавіей и Валахіей и съ этой цѣлью въ 1771 г. были посланы офицеры главнаго штаба въ нынѣшнюю Румынію для обзоренія мѣстностей и выясненія вопроса, насколько пріобрѣтеніе этихъ земель принесетъ Австріи пользу въ военномъ, торговомъ и политическомъ отношеніяхъ ¹⁾. Комиссія пришла къ тому заключенію, что для защиты Австріи съ востока необходимо овладѣть восточнымъ склономъ горъ. Этотъ проектъ комиссіи въ цѣломъ не осуществился, такъ какъ только позднѣе часть Молдавіи—Буковина была занята Австріей, но вмѣсто того рѣшено было приступить къ занятію частей Малопольши, именно древняго Галицко-Владимірскаго княжества.

Австрія предъявила свои притязанія на Малопольшу, основываясь на слѣдующемъ ²⁾: 1) на закладной королей Людвигъ I угорскаго и Казимира Великаго отъ 1352 г. ³⁾; 2) на отреченіи Сигизмунда отъ польскаго,

¹⁾ С. Н. Палаузовъ: «Австрія со времени революціи 1848 г.». Петроградъ, 1860, стр. 64.

²⁾ Praevia explicatio jurium Hungariae in Russiam minorem et Podoliam ed. 1772.—Krones: «Geschichte der Neuzeit Oesterreichs», стр. 323.

³⁾ Содержаніе этой закладной слѣдующее: Король Людвигъ, съ согласія своего брата Стефана, даетъ въ пожизненное владѣніе королю Казимиру по праву наслѣдія этому послѣднему законно принадлежащее угорской коронѣ Галицко-Владимірскаго королевство. Если бы у Казимира родился сынъ, то Людвигъ и его законные наслѣдники имѣли бы право выкупить упомянутое королевство за 100.000 угорскихъ флореновъ. Въ случаѣ же безпотомственной кончины Казимира, королевства польское

а Ядвиги и Владислава Ягайла отъ угорскаго престола въ 1394 г., послѣ чего произошелъ захватъ (?) Червонной Руси поляками въ 1395 г. ¹⁾, и на мировой сдѣлкѣ между Сигизмундомъ и Владиславомъ Ягайломъ отъ 15 марта 1412 г. ²⁾, подтвержденной въ 1415, 1423 и 1440 гг., въ которой вопросъ о правѣ собственности относительно Червонной Руси, Подоліи и Молдавіи объявленъ былъ открытымъ; 3) на послѣдующихъ требованіяхъ угорскаго сейма объ отдачѣ этихъ земель; 4) на Бендзинскомъ договорѣ между Австріей и Польшей въ 1589 г., въ силу котораго Австрія отказалась лишь отъ собственной Польши; 5) на непрерывномъ помѣщеніи въ угорскомъ королевскомъ титулѣ опредѣленія rex Galitiae et Lodomeriae даже до Маріи-Терезіи; 6) на обстоятельстве, что въ 1763 г. сами же поляки косвенно признали права Угріи на Червонную Русь ³⁾.

Въ январѣ 1772 г. вѣнское правительство приказало принять въ подданство жителей Сандецкаго округа. Когда же 19 февраля Марія-Терезія и Иосифъ II обязались въ согласіи съ берлинскимъ и петроградскимъ дворами приступить къ раздѣлу Польши, подѣ условіемъ, дабы приобретаемая тремя державами часть были равны,—Австрія отказала конфедератамъ въ гостепримствѣ и сдѣлала приготовленія, чтобы ея войска тремя отрядами подѣ предводительствомъ генераловъ Гаддика, Эстергази и Алтона заняли прежде всего солянныя копи въ Бохнѣ и Величкѣ и гор. Львовѣ. Гражданскимъ губернаторомъ для новоприобрѣтаемыхъ земель былъ назначенъ гр. Пергенъ. Въ половинѣ мая отрядъ австрійскаго войска перешелъ черезъ Дуклянской переваль и, отгѣсня конфедератовъ, подвиг-

и русское становятся собственностью Людвига и его потомковъ, или Стефана и его мужскихъ наслѣдниковъ. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ этотъ договоръ былъ заключенъ не въ 1352, а въ 1350 г., 4 апрѣля. (Смотри: «Smolka rok 1386», стр. 135.—Brajer: «Włdyślw Opolski», стр. 50.—Matiej-w: «Jahresbericht des II Ober-Gymn.» Lemberg, 1886—Huber «Ludwig I.» «Archiv für oesterr. Gesch.» 1885, 66, стр. 15.—И. П. Филевичъ: «Борьба Польши и Литвы-Руси за галицко-владимірское наслѣдіе». Петроградъ, 1890, стр. 94—96.—Dr. A. Prochaska: «Kwart. hist.» Lwow, V, стр. 276, VI, стр. 22).

¹⁾ Изложеніе запутанное. Извѣстенъ лишь сѣздъ Сигизмунда и Ягайла въ Санчѣ въ 1396 г., но условія здѣсь же заключеннаго договора неизвѣстны. Въ 1396 г. Ядвига получила титуломъ вѣна Куявы и Русь, но въ соотвѣтственномъ документѣ называется она «наслѣдницею Угріи» (heres Ungarie).

²⁾ Договоръ въ Любомлѣ. Людвигъ и Ягайло условливаются, чтобы Молдавія осталась подѣ властью Ягайла и лишь помогала уграмъ въ войнахъ съ Турціей. Русь и Подолія до конца жизни Ягайла или Сигизмунда и 5 лѣтъ послѣ кончины кого-нибудь изъ нихъ остаются за Ягайломъ. Въ продолженіе указанныхъ 5 лѣтъ смѣшанная комиссія изъ угорскихъ и польскихъ епископовъ и бароновъ должна присудить эти земли одной изъ спорящихъ державъ.

³⁾ Это относится къ письму польскаго подканцлера Варминскаго епископа Андрея Залускаго, отъ 4 августа 1673 г., заключающему слѣдующія слова: «Импер. посланникъ бар. Штромъ предложилъ записку вѣнскаго двора, касающуюся исторіи заклада Спиша Польшѣ. Надо быть на-стражѣ и имѣть подѣ рукою оговорку, если бы императоръ потребовалъ Червонную Русь и Подолію».

пулся къ Пильзену ¹⁾. Одновременно выступилъ ген. Алтопъ изъ Силезіи, занявъ 8 іюня Ланцкорону, 11 іюня Величку и впослѣдствіи все пространство къ устью Сяна, Люблину, Холму и Белзу. Ген. Эстергази вступилъ въ Стрыйскій округъ и вмѣстѣ съ русскимъ ген. Каменскимъ занялъ Самборскую область. Ген. Гаддикъ остановился 24 іюня лагеремъ подъ Львовомъ, но вступилъ въ этотъ городъ лишь послѣ того, какъ 15 сентября вышли находившіеся въ немъ русскіе ²⁾. Австрійскіе вожди повсюду распространяли манифестъ, пзданный въ главной квартирѣ въ Пряшевѣ 10 іюня, что императрица Марія-Терезія беретъ польскій край подъ свою опеку, что всѣмъ жителямъ гарантируется безопасность личности и имѣнія и что польскіе чиновники должны остаться на своихъ мѣстахъ. Отряды конфедератовъ, находившіеся на прострaнствѣ, занятомъ Австрією, должны были упраздниться вслѣдствіе приказа гр. Гаддика отъ 4 августа.

Между тѣмъ въ Петроградѣ происходили дальнѣйшіе переговоры относительно раздѣла Польши. Австрія требовала для себя, кромѣ нынѣшней Галичины, еще линіи Буга, т.-е. воеводство Люблинское и Холмскую землю, но должна была подъ давленіемъ берлинскаго двора уменьшить свои домогательства. Договоромъ отъ 2 августа опредѣлены были для австрійской части слѣдующія границы: начиная съ австрійской Силезіи, рѣка Висла до устья Сяна, затѣмъ линія черезъ Замостье и Грубешовъ до Буга, оттуда до Збаража и рѣкою Подгорцы (подъ нею подразумѣвается Сереть) къ Днѣстру и Карпатамъ, обнимая Покутье.

Для организаціи новой провинціи прибылъ 29 сентября во Львовъ губернаторъ гр. Пергень. Первымъ его дѣломъ было призвать львовскихъ мѣщанъ къ присягѣ на вѣрность австрійской императрицѣ и ея сыну Иосифу II. Но мѣщане отказывались, заявивъ, что будто бы они уже присягали на вѣрность польскому королю и никто ихъ отъ той присяги не освобождалъ; что они являются низшимъ сословіемъ въ Рѣчи Посполитой, слѣдовательно, не съ нихъ, а съ пановъ-пляхты слѣдуетъ начинать принятіе присяги. Кромѣ того, мѣщане подали губернатору просьбу, чтобъ онъ воспретилъ евреямъ всякую торговлю. Такъ какъ шляхта оказывала еще меньше готовности объявить свою покорность, то губернаторъ придумалъ иной торжественный актъ, имѣвшій цѣлью—засвидѣтельствовать водвореніе австрійской власти въ новой провинціи. Въ воскресенье, 4 октября, было устроено торжественное богослуженіе въ латинской каѳедрѣ, во время котораго разставленное вокругъ войско и пушки на валахъ возвѣщали о началѣ австрійскаго владѣнія, воины же вмѣстѣ съ толпою народа кричали: «Да здравствуетъ императрица Марія-Терезія и императоръ Иосифъ II!» Послѣ окончанія этой церемоніи губернаторъ отправилъ

¹⁾ Arneth: «Gesch. Maria-Theres.», VIII, стр. 382.

²⁾ А. С. Петрушевичъ: «Сводная галицко-русская лѣтопись 1772—1800 г.».

ся съ епископами и канониками съ поздравленіемъ къ военному коменданту Гаддику. Для участія въ этомъ торжествѣ приглашенъ былъ также русско-уніатскій епископъ Левъ Шептицкій, но онъ не прибылъ, заявляя, что у него есть своя церковь ¹⁾.

Столицею новой австрійской провинціи, названпой «королевствомъ Галиціи и Лодомеріи», избранъ былъ городъ Львовъ. Гр. Пергенъ издалъ вскорѣ для области два распоряженія: въ первомъ онъ обѣщалъ жителямъ всѣхъ сословій личную и имущественную безопасность, а во второмъ призывалъ чиновниковъ изъ временъ польскаго владычества въ продолженіе мѣсяца опредѣлить характеръ своей должности. Старосты-тенутаріи (арендаторы) королевскихъ имѣній получили приказъ представить правительству точное описаніе находящихся у нихъ имѣній по числу крестьянскихъ душъ, доходамъ и проч. Имъ же вмѣнялось въ обязанность не рубить лѣсовъ, не продавать отдѣльныхъ участковъ земли и вообще не дѣлать убытка державѣ. Чтобы предупредить расхищеніе коронныхъ имѣній частными лицами, правительство опредѣлило въ 1777 г. преміи всѣмъ тѣмъ, кто доносилъ о незаконномъ владѣніи государственнымъ имѣніемъ.

Польскій сеймъ, созванный въ 1773 г. для утвержденія раздѣла Польши, одобрилъ (въ апрѣлѣ) уступку Червонной Руси Австріи и освободилъ ея жителей отъ польскаго подданства. Тогда же императоръ Іосифъ II рѣшилъ посѣтить Галичину. Это посѣщеніе относилось къ русской части Галичины. Еще въ 1770 г. Іосифъ II объѣзжалъ Угорскую Русь и принималъ отъ русскихъ жителей изъявленія покорности въ Кошицахъ и Ужгородѣ. Теперь, въ 1773 г., онъ отправился 26 іюня изъ Кошиць черезъ Карпаты и направилъ свое путешествіе черезъ Лѣско, Сянокъ, Березовъ, Дыневъ, Дубецко, Ярославъ и Яновъ во Львовъ. По дорогѣ онъ избѣгалъ посѣщенія дворовъ шляхты и останавливался для отдыха и ночлега въ гостиницахъ. Императоръ старался прежде всего сблизиться съ русскимъ простонародіемъ и узнать его нужды. Во Львовѣ онъ остановился у мѣстнаго аптекаря.

Въ это время комиссія опредѣляла восточную границу Галичины, принимаясь за установленіе межевыхъ столбовъ на рѣкѣ Серетѣ, названной въ атласѣ Польши въ 1772 г. Подгорцами. Когда Іосифъ II посѣтилъ окрестности Збаража, онъ былъ до того пораженъ плодородностью почвы, что велѣлъ присоединить къ своимъ владѣніямъ полосу земли между Серетомъ и Збручемъ. По его мнѣнію, Збручъ имѣлъ гораздо большее стратегическое значеніе, нежели Сереть. Такимъ образомъ, восточную границу Галичины сдѣлался Збручъ, но получилъ, примѣнительно къ трак-

¹⁾ А. С. Петрушевичъ: «Сводная галицко-русская лѣтопись 1772—1800 г.», стр. 9—11.

татамъ раздѣла, говорившимъ о рѣкѣ Подгорцахъ, какъ о восточной границѣ, официальное названіе Подгорцы.

«Наша Галичина,—писалъ Іосифъ II своей матери,—преисполнена самыми лучшими чувствами, но *здѣшній крестьянинъ—несчастливъ и лишь физическою жизнью напоминаетъ чловѣка*. Мелкая шляхта также крайне бѣдна и угнетаема вельможами. *Всѣ ждутъ отъ насъ справедливости*. Одни магнаты не довольны».

Іосифъ II совѣтовалъ матери вмѣсто гр. Пергена назначить губернаторомъ Галичины болѣе дѣятельнаго гр. Брбна, принять мѣры къ улучшенію экономическаго благосостоянія края и основать духовныя семинаріи для образованія духовенства, *находившагося, по его увѣренію, въ крайнелъ невѣжествѣ*. Современемъ онъ предлагалъ учредить сеймовое представительство духовенства, шляхты и мѣщанъ.

Вскорѣ послѣ этого путешествія Галичина была (договоромъ отъ 18 сентября 1773 г. между Польшей и Австріей) окончательно уступлена Австріи и тогда были призваны ея жители принести присягу на вѣрность Австріи. Отъ имени духовенства совершили этотъ актъ (29 декабря) епископы, отъ имени шляхты—42 выборныхъ, отъ имени городовъ и сельскихъ начальства ¹⁾. Шляхта поручила своимъ выборнымъ, чтобы передъ принесеніемъ присяги они выставили различныя требованія. Выборные львовской земли домогались обезпеченія свободы католическаго вѣроисповѣданія, запрещенія строить протестантскія и православныя церкви, наказанія смертью и конфискаціей имѣній отступниковъ отъ католичества ²⁾. Станиславовская шляхта, ссылаясь на принадлежность Галичины къ угорской коронѣ, требовала для себя правъ и преимуществъ угорскаго дворянства, права внесенія всякихъ просьбъ и представленій правительству и независимаго шляхетскаго судопроизводства посредствомъ выборныхъ судей. На свои требованія шляхта не получила никакого отвѣта, но, несмотря на это, она принесла присягу.

Обращеніе австрійскихъ чиновниковъ со шляхтою было самое безцеремонное. Губернаторъ держалъ приглашеннаго вельможу долго въ передней и часто даже не допускалъ къ себѣ. За малѣйшее сопротивленіе власти посылали шляхтичу въ его домъ воина, который размѣщался въ панской спальнѣ ³⁾. Вообще австрійское правительство старалось смирить

¹⁾ Wł. Loziński: «Galicia—kilka obrazków z pierwszych lat historyi galicyjskiej». Львовъ, 1872, стр. 1—34.

²⁾ Рукопись бібліотеки Оссолинскихъ № 331, стр. 75.—А. С. Петрушевичъ: «Сводная галицко-русская лѣтопись 1772—1880 г.», стр. 30.

³⁾ Fr. Karpiński: «Pamiętniki», Львовъ, 1849, стр. 118.

гордость шляхтича и дать ему почувствовать, что существуетъ власть. Дворовая милиція шляхтичей была уничтожена. Ординату Замойскому запретили держать свое войско, и когда онъ сдѣлалъ противъ этого представленіе и высказалъ, что войско нужно ему для защиты отъ опасности, ему послали австрійскихъ воиновъ. Кіевскій воевода Потоцкій, пмѣвшій въ Кристинополь 1.500 казаковъ, извинялся, что не можетъ ихъ распустить, такъ какъ у него много золота и серебра и онъ боится разбойниковъ,—тогда ему прислали 300 воиновъ въ Кристинополь, а казаковъ вслѣдѣ распустить. Это такъ поразило гордаго пана, что онъ вскорѣ умеръ. Потоцкій былъ тѣмъ самымъ жестокимъ человѣкомъ, который, желая помѣшать женитьбѣ своего сына Щенного на Маріи Коморовской, велѣлъ невѣсту своего сына похитить и утопить. На шляхту австрійцы наложили новыя подати: въ 1773 г. 12% доминикальнаго сбора и въ 1774 г. военный налогъ, освобождая ее при этомъ отъ военной службы.

Согласно указаніямъ Іосифа II, въ началѣ 1774 г. гр. Пергенъ былъ отстраненъ отъ должности губернатора и на его мѣсто назначенъ гр. Гаддикъ. Гр. Врбна получилъ чинъ галицкаго придворнаго канцлера съ мѣстопробываніемъ въ Вѣнѣ. Новый губернаторъ получилъ 26 августа приказъ *взять подъ свое покровительство греко-католическое вѣроисповѣданіе и диссидентовъ, отнять корчмы, шинки и право аренды у евреевъ, стараться о продажѣ соли по самой низкой цѣнѣ* и обязать, чтобы всѣ державныя власти употребляли лишь нѣмецкій и латинскій языки. Для всѣхъ, схваченныхъ съ оружіемъ въ рукахъ, объявлена была амнистія. Вѣнское правительство рѣшило пригласить въ Галичину поселенцевъ изъ нѣмецкихъ провинцій, обѣщая имъ льготы, именно—освобожденіе крестьянъ отъ податей на шесть лѣтъ, ремесленниковъ же и фабрикантовъ—на десять лѣтъ. Въ чиновники приказано было брать лицъ, владѣющихъ «словацкимъ» языкомъ, изъ Чехіи, Силезіи и Угріи. Въ каждомъ учрежденіи долженъ быть по крайней мѣрѣ одинъ полякъ. Всѣ чиновники должны носить французское платье.

Между тѣмъ, Россія окончила войну съ Турціей и заключила съ нею 10 іюля 1774 г. выгодный для себя Кучукъ-Кайнарджійскій миръ. Россія получила Керчь, Еникале, Кинбурнь, степь между Днѣпромъ и Бугомъ и, сверхъ того, право свободнаго мореплаванія на Черномъ морѣ и черезъ Дарданеллы. Объявлена была независимость крымскихъ татаръ. Кромѣ того, Россія добилась, чтобы Молдавія и Валахія пользовались свободою христіанскаго вѣроисповѣданія, платили умѣренную дань и не испытывали притѣсненій со стороны турокъ. Это покровительство Россіи надъ придунайскими землями, входившими уже въ планы австрійской наступательной полтики, наполнило тревогою вѣнскій дворъ. Австрія заключила уже тайный договоръ съ Турціей и получила отъ нея въ 1771 г. два миліона гульденовъ пособія для предполагаемой войны съ Россіей,

такъ какъ считалась союзницей Турціи, однако, не могла изъ-за Пруссіи и успѣховъ русскаго оружія начать войну и противодѣйствовать русскому перевѣсу у нижняго Дуная. Австрія поэтому поступила такъ же, какъ и въ польскомъ вопросѣ. Не имѣя силъ вести войну, она рѣшила искать для себя новаго вознагражденія за усиленіе русскаго могущества на Черномъ морѣ. Она искала территоріальныхъ приобрѣтеній у границъ Семиграда. Іосифъ II имѣлъ въ виду лѣвый берегъ Дуная вокругъ Старой Орсовы; министръ же Тугутъ обратилъ вниманіе на сѣверную часть Молдавіи—Буковину ¹⁾). Марія-Терезія приказала 1 октября 1774 г. занять Буковину на томъ основаніи, что эта область будто бы когда-то принадлежала Семиграду, Турціи же она предложила уступить этотъ край Австріи вмѣсто обѣщанной конвенціею 1771 г. за помощь противъ Россіи (однако, помощь эта была лишь дипломатическою) Малой Валахіи. Договорами отъ 7 мая 1775 г. и 12 мая 1776 г. Турція отказалась отъ своихъ правъ на Буковину въ пользу Австріи. Протестовавшій противъ такой уступки молдавскій господарь Григорій Гика былъ повелѣніемъ султана 12-го января 1777 г. умерщвленъ. При занятіи Буковины австрійское правительство руководилось прежде всего военными соображеніями. Дѣло заключалось въ томъ, чтобъ удобнѣе соединить Семиградъ съ Галичиной и занять выгодную позицію въ виду Россіи и Молдаво-Валахіи. Соотвѣтственно своему значенію, какъ военная позиція, Буковина находилась до 30 ноября 1786 г. въ военномъ управленіи, пока не была присоединена къ Галичинѣ, какъ Черновецкій округъ.

II. Политика Маріи-Терезіи и Іосифа II въ отношеніи русскаго народа и мѣропріятія австрійскаго правительства.—Состояніе русскаго народа.

Пространство, занятое Австріей подъ названіемъ Галиціи и Лодомеріи, составляло 1.300 кв. миль съ 2.700.000 жителей. Уже то обстоятельство, что вѣпское правительство, желая узаконить свой захватъ и ссылаясь на историческія права на Галичину, принуждено было ознакомиться съ исторіей этого края,—должно было навести государственныхъ дѣятелей Австріи на мысль, что приобрѣтенная ими провинція—не польская, а скорѣе русская. Русскій элементъ въ Галичинѣ былъ тогда еще настолько крѣпокъ, что сразу же можно было замѣтить русскій характеръ края. На пространствѣ отъ Вислока до Збруча и предѣловъ Молдавіи крестьяне, мѣщане (даже латинскаго обряда) и духовенство говорили по-русски.

Гофратъ Куранда, считавшій сперва Галичину польскимъ краемъ и убѣдившійся затѣмъ въ противоположномъ, донесъ въ Вѣну, что въ Га-

¹⁾ Kropan, стр. 337.

личинѣ живеть народъ не польскій, а другой—славянскій, похожій на русскій (russisch), или иллирійскій, т. е. сербо-хорватскій ¹⁾). Австрійское правительство поощряло писателей и ученыхъ обратить вниманіе на новую провинцію и прежде всего составить ея исторію. Эту задачу исполнили Энгель ²⁾ и Гоппе ³⁾. Первый обратилъ вниманіе австрійскаго правительства на то, что Галичина есть собственно русскій край, и правительство Россіи можетъ весьма легко требовать возвращенія его на томъ основаніи, что здѣсь владѣли потомки великихъ князей кievскихъ. Вслѣдствіе такихъ же соображеній первый губернаторъ Галичины гр. Пергенъ не совѣтовалъ помогать усиленію русскихъ и предлагалъ лишь въ случаѣ нужды употреблять ихъ какъ орудіе противъ поляковъ ⁴⁾). Однако, вѣнскій дворъ, особенно же самъ Іосифъ II, не имѣлъ причины враждебно относиться къ галицко-русскому народу, такъ какъ соплеменники того же народа въ Угріи, находившіеся съ давнихъ временъ подъ скипетромъ Габсбурговъ, не дали ни малѣйшаго повода къ недовѣрью. Напротивъ, преданность угро-руссовъ Австрій заставила вѣнское правительство назначить мірскихъ и духовныхъ лицъ изъ Угорской Руси на должности учителей въ семинаріяхъ во Львовѣ и Вѣнѣ, предназначенныхъ для галицко-русскаго юношества духовнаго званія. Кромѣ того, съ тѣхъ поръ, какъ въ 1779 г. австрійскимъ посланникомъ въ Петроградъ сталъ Кобенцль, произошелъ переломъ въ иностранной политикѣ Австрій: императоръ Іосифъ II старался заключить союзъ съ Россіей для рѣшенія международныхъ вопросовъ и прежде всего—восточнаго вопроса. Съ этой цѣлью онъ предпринялъ въ 1780 г. путешествіе въ Россію для личнаго свиданія съ русской императрицей. Свиданіе состоялось въ Могилевѣ и слѣдствіемъ его было заключеніе въ 1781 г. тайнаго союза противъ Турціи; второе свиданіе Іосифа II съ Екатериною II состоялось въ Херсонѣ въ 1787 г., при чемъ послѣдствіемъ его была война Австрій и Россіи съ Турціей.

Дружба Австрій съ Россіей благопріятствовала развитію галицко-русскаго народонаселенія. Такъ какъ польская шляхта не хотѣла поступать на правительственную службу, то открылось широкое поприще для дѣтей духовенства и мелкой русскои шляхты, получившихъ образованіе въ польскихъ школахъ. Въ политическія учрежденія брали преимущественно нѣмцевъ, а въ судъ и городскія управленія поступали по большей части русскіе. Такимъ образомъ русскіе и нѣмцы составляли главный элементъ галицкаго чиновничества. Большинство нынѣшнихъ

¹⁾ I. A. Helfert: «Die oesterr. Volksschule». Прага, 1860, I, стр. 461.—Заневичъ: «Литературні стремленія галицкихъ русинів». «Жите и Слово», 1894.

²⁾ I. Ch Engel: «Geschichte der Ukraine und der ukrainischen Cosaken wie auch der Königreiche Halitsch i Wladimir». Галле, 1796.

³⁾ Hoppe: «Geschichte Galiziens». 1802.

⁴⁾ I. Lewicki: «Ruch Rusinów w Galicyi w pierwszej połowie wieku panowania Austrii». Львовъ, 1879, стр. 19.

чиновничьихъ фамилій въ Галичинѣ—русскаго происхожденія. Всѣ Левицкіе, Монастырскіе, Крыжановскіе, Сохацкіе, Попели, Мохнацкіе, Яворскіе, Мацѣлинскіе, Тустановскіе, Созанскіе, Левандовскіе, Волосы, Нападѣевичи, Крыницкіе, Хойнацкіе, Литинскіе, Калитовскіе, Горыдскіе, Чайковскіе, Бѣлинскіе, Сосновскіе, Киричинскіе, Ильясевичи и другіе—потомки первыхъ австро-русскихъ чиновниковъ¹⁾. Они теперь ополячены и даютъ доказательства: во-первыхъ, *какимъ ненадежнымъ элементомъ въ національномъ отношеніи является чиновничье сословіе* и, во-вторыхъ, какъ мало нравственной силы заключается въ церковной уніи, если сыновья и дочери уніатскихъ священниковъ при первомъ удобномъ случаѣ покидаютъ уніатскій обрядъ своихъ родителей...

Хотя обстоятельства благопріятствовали развитію и умственному подъему австрійской Руси, однако, мы не замѣчаемъ въ то время ни малѣйшихъ усилій къ какому-нибудь труду на литературномъ поприщѣ. Такой трудъ вызвало только пробудившееся въ 1848 г. національное сознаніе. Но пока австрійская Русь сознавала себя лишь просто уніатскою, духъ ея находился въ оцѣпенѣніи.

Въ эпоху занятія Галичины Австріей простой народъ находился въ полномъ закрѣпощеніи, но, къ счастью, Іосифъ II былъ тогда приверженцемъ фізіократической экономической системы, по которой произведеніе сырыхъ продуктовъ составляетъ благосостояніе края и поэтому сельское хозяйство должно пользоваться особымъ попеченіемъ со стороны правительства. Хотя Марія-Терезія благоволила помѣщикамъ больше, нежели простонародію, но ея сынъ Іосифъ II считалъ своимъ долгомъ по возможности освободить отъ притѣсненія трудъ земледѣльца. Когда, съ одной стороны, по почину Маріи-Терезіи вышли патенты: отъ 10 сентября 1774 г., воспрещавшій крестьянамъ безъ позволенія своего помѣщика продавать упряжный скотъ и приказывавшій имъ исполнять свои обязанности въ отношеніи помѣщика, и патентъ отъ 1775 г., по которому государственныя имѣнія могли продаваться лишь шляхтѣ, съ другой стороны, вышли патенты также и въ пользу крестьянъ. Еще въ періодъ 1748—1763 гг. дозволено было въ чешско-нѣмецкихъ провинціяхъ крестьянамъ покупать землю и ограничена судейская власть помѣщика, въ 1775—1778 гг. была упорядочена панщина и въ 1777 г. позволено было пѣшее тягло замѣнить оброкомъ. Патентомъ отъ 3 іюня 1775 г. воспрещено было угнетать крестьянъ. Самыя важныя постановленія въ крестьянскомъ дѣлѣ вышли при Іосифѣ II. Въ 1781—1785 гг. было устранено крѣпостничество и крестьяне объявлены лично свободными. Особенно важнымъ былъ для Галичины приказъ 1781 года, по которому крестьянину, не получив-

¹⁾ Н. Л. Устіановичъ: «Возрожденіе Галицкой Руси». «Родимый Листокъ», Черновцы, 1880.

пему въ продолженіе 30 дней отъ помѣщичьяго суда рѣшенія на свою жалобу, предоставлено было право передать дѣло правительственной власти. Помѣщикамъ воспрещено было посредствомъ своихъ шинкарей въ воскресные и праздничные дни насильственно налагать на крестьянъ десять и больше кварта водки и приказывать крестьянамъ, чтобы за отходящаго шинкаря платили подать. Воспрещалось также помѣщикамъ получать куну (плату за позволеніе жениться) и навязывать своимъ подданнымъ испорченные съѣстные припасы, продавцамъ же ихъ не позволено устраивать попойки на счетъ судящихся крестьянъ¹⁾. Патентомъ отъ 20 ноября 1781 г. опредѣлено время папщины: съ цѣлаго грунта (20—24 морговъ) въ три, а съ половины грунта (10—12 морговъ) въ полтора дня. Государственныя учрежденія получили приказъ: всѣ прошенія по адресу императора принимать и доставлять въ Вѣну, жалобамъ же противъ приговора помѣщичьяго (доминикальнаго) суда открытъ былъ доступъ въ высшія инстанціи, какъ, напримѣръ, въ окружное староство (Kreisamt), губернію и въ придворную канцелярію.

Въ 1786 г. начался грандіозный трудъ іосифовскаго кадастра на основаніи новаго измѣренія всего государства и провѣрки поземельнаго дохода. Сотни офицеровъ и гражданскихъ инженеровъ съ тысячами писарей и рисовальщиковъ заняты были этимъ трудомъ. Кадастральнымъ комиссіямъ было повелѣно отдѣлить крестьянскую (рустикальную) землю отъ помѣщичьей (доминикальной) и этотъ раздѣлъ записать въ отдѣльныхъ книгахъ, составившихъ основу для распределенія податей и обозначенія права собственности. Этотъ кадастръ былъ убійственнымъ для угро-русовъ, такъ какъ всѣ лѣса и множество полонинъ (горскихъ пастбищъ) были записаны за помѣщиками, и крестьяне лишились права пользоваться ими²⁾. То же самое произошло также и въ Галичинѣ. Здѣсь крестьяне боялись податей и сами отказались отъ собственности, надѣясь и впредь пользоваться ею съ разрѣшенія помѣщика. На основаніи новаго кадастра расписаны были патентомъ отъ 10 февраля 1789 г. новыя подати, обременявшія какъ крестьянскую, такъ и помѣщичью землю. Распоряженіемъ отъ 10 мая 1787 г. разрѣшено было крестьянамъ покупать въ собственность всякаго рода землю.

Іосифъ II намѣревался привлечь евреевъ къ земледѣлію и склонить цыганъ къ постоянному мѣстожительству. Однако, ни то, ни другое не осуществилось вслѣдствіе племенныхъ особенностей евреевъ и цыганъ. Болѣе успѣшно повелась колонизація Угрии и Галичины нѣмцами, приглашенными въ 1777 и 1787 гг. изъ Бадена, Гессіи, Виртемберга, Нассау и Баваріи. Въ короткое время возникло въ Галичинѣ около 150 нѣмецкихъ

¹⁾ Moritz Drdacki: «Frohnpatente Galiziens». Вѣна, 1838.

²⁾ Bidermann: «Die ungarischen Ruthenen», стр. 103.

сель, сохранившихъ въ большей половинѣ свой нѣмецкій характеръ до сихъ поръ. Нѣмцы, принося съ собою улучшенныя земледѣльческія орудія и прогрессивныя знанія техники и сельскаго хозяйства, благотворно вліяли на мѣстное населеніе

Но не только въ экономическомъ отношеніи долженъ былъ по намѣренію вѣнскаго правительства подняться крестьянинъ. Оно постаралось также и объ его просвѣщеніи. Послѣ долгихъ преній въ различныхъ коммисіяхъ 2 января 1771 года была открыта въ Вѣнѣ «нормальная школа» и 6 декабря 1774 г. издано «общее положеніе для нѣмецкихъ нормальныхъ, головныхъ и тривіальныхъ (начальныхъ) школъ». Когда дѣло касалось открытія школъ въ Галичинѣ, то гофратъ Коранда стоялъ за польскій преподавательскій языкъ, чему, однако, воспротивился Фельбигеръ. Въ 1775 г. (9 сентября) была открыта во Львовѣ нормальная школа съ нѣмецкимъ характеромъ; 27 марта 1776 г. была установлена галицкая школьная коммисія и изданъ императорскій указъ о томъ, чтобы русская народность, «составляющая двѣ трети населенія провинціи», принималась въ соображеніе при учрежденіи учебныхъ заведеній и имѣла свои народныя школы и чтобы вообще греко-католическое, римско-католическое и армяно-католическое вѣроисповѣданія въ школьныхъ дѣлахъ были уравнены въ правахъ. Однако, учрежденіе русскихъ народныхъ школъ почему-то откладывалось, и поэтому послѣдовалъ новый указъ 1791 г.; чтобы во всѣхъ мѣстностяхъ восточной Галичины, гдѣ не имѣлось еще ни нѣмецкой, ни польской школы, учреждено было русское тривіальное (начальное) училище. До 1791 г., кажется, не учреждали русскихъ народныхъ школъ, такъ какъ только въ 1790 г. изданъ былъ въ Вѣнѣ русскій букварь для народныхъ школъ. Польская шляхта препятствовала просвѣщенію сельскаго населенія, опасаясь потерять свои преимущества. «Черезъ сравненіе всѣхъ сословій и допущеніе простонародія ко всѣмъ чинамъ, не меньше черезъ вознамѣренное просвѣщеніе народныхъ массъ пострадаетъ больше всего земледѣліе. Сынъ крестьянина позабудетъ о своемъ званіи и о томъ, что онъ сотворенъ для плуга; онъ будетъ промышлять, какъ бы себя поднести»,—говорила шляхта въ одной изъ брошюръ въ 1790 году ¹⁾.

Недоброжелательство шляхты къ дѣлу народнаго просвѣщенія и вліяніе ея на внутреннія дѣла Галичины со времени вступленія на престолъ императора Леопольда II и до нашихъ дней не давали возможности подняться умственному уровню русскихъ и польскихъ крестьянъ.

¹⁾ Magna charta von Galizien, oder Untersuchung der Beschwerden des galiz. Adels polnischer Nation über die oesterr. Regierung. Jassy 1790 (§ 63 статьи Bemerkung. über die galiz Regierung).—А. С. Петрушевичъ: «Сводная галицко-русская лѣтопись 1772—1800 г.», стр. 314.

Но все-таки положеніе галицкаго крестьянина при австрійскомъ правительствѣ улучшилось. Онъ былъ теперь закономъ защищенъ отъ своеволія пана и, кромѣ умѣренной панщины, государственныхъ налоговъ и военной повинности (15 лѣтъ), не зналъ такихъ угнетавшихъ его налоговъ, какъ въ польской Рѣчи Посполитой: различнаго рода даремщины, платы экономамъ, на содержаніе казаковъ, смоляковъ (лѣсныхъ сторожей) и прочихъ расходовъ на панскую прислугу. Поэтому и неудивительно, что австрійское правительство пріобрѣло себѣ симпатію низшихъ сословій и стало твердой ногой въ новой провинціи. Такая же симпатія простонародія къ австрійскому правительству была не только въ Галичинѣ, но также въ Угріи и въ нѣмецко-чешскихъ провинціяхъ, и она помогла Австріи вынести испытанныя впоследствии потрясенія.

Русское духовенство находилось въ самомъ жалкомъ состояніи. Хотя оно добросовѣстно соблюдало унию, но за нимъ въ Польшѣ все же не хотѣли признать тѣхъ правъ, какими пользовалось остальное католическое духовенство. Его силой гнали на панщину, такъ какъ шляхта не дѣлала различія между крестьяниномъ и униатскимъ священникомъ. Такъ, въ началѣ раздѣла Польши митрополитъ Володковичъ былъ принужденъ (4 марта 1772 г.) отправить письмо къ папѣ Клименту XIV объ угнетеніи униатовъ ²⁾. Латинское духовенство не признавало въ униатахъ католиковъ, считая ихъ лишь временно присоединившимися къ католической церкви, будтобы сътою цѣлью, чтобы при первомъ удобномъ случаѣ опять вернуться въ православіе. Поэтому оно называло ихъ лишь «униатами», а не католиками. Такъ же смотрѣла на униатовъ и римская курія, поручившая завѣдываніе униатскими дѣлами конгрегациі de propaganda fide, т.-е. вѣдомству, которому подчинялись дѣла еретиковъ, миссій и отношенія римской куріи къ иновѣрцамъ. По этой причинѣ привлеченіе униатовъ въ латинскій обрядъ велось по широкому плану.

Иначе смотрѣло на унию австрійское правительство въ эпоху Маріи-Терезіи и Іосифа II. Оно, имѣя у себя въ Угріи много православныхъ, надѣялось посредствомъ униатовъ воздѣйствовать на православныхъ и, присоединивъ ихъ къ католичеству, сплотить со своею державною идеей. Тотчасъ послѣ занятія Галичины (17 іюля 1774 г.) львовскій епископъ Левъ Шептицкій жаловался посредствомъ своего уполномоченнаго Ивана Гудза, получившаго аудіенцію у Маріи-Терезіи, что латинскіе священники и даже каноники въ Галичинѣ называютъ русскихъ собаками и ихъ униатское вѣроисповѣданіе—собачьимъ, униатскихъ священниковъ—шизматиками, церкви—синагогами, священниковъ—попами (!). Мертвеца, папствовавшаго униатскимъ священникомъ, латинскіе ксендзы не хотятъ

¹⁾ А. Theiner: «Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae». Римъ, 1864, стр. 417, № СХХХVII.

хоронить. Съ сыновьями уніатскихъ священниковъ обращаются очень плохо, принуждаютъ къ панщинѣ, всѣхъ же исповѣдниковъ уніатскаго обряда не допускаютъ (конечно, это относится къ временамъ польскаго владѣнія) ни къ чинамъ, ни къ цехамъ ремесленниковъ и промышленниковъ. Латинники мѣшаютъ совершенію уніатскихъ обрядовъ, не позволяютъ звонить во время Свѣтлаго Воскресенія, если оно не совпадаетъ съ латинскою Пасхою, принуждаютъ русскихъ работать въ праздники и всячески издѣваются надъ исповѣдниками греческаго обряда¹⁾. Вслѣдствіе этой жалобы Марія-Терезія рѣшеніемъ отъ 28 іюля 1774 г. приказала, чтобы польскіе бискупы склоняли подвѣдомственное имъ духовенство жить въ мирѣ и согласіи съ русскими и не называть ихъ уніатами, а греко-католиками; Львовской губерніи она повелѣла открыть доступъ ко всѣмъ чинамъ и званіямъ сыновьямъ русскихъ дворянъ и священниковъ, по мѣръ ихъ способностей²⁾. Слѣдствіемъ этого было поступленіе множества сыновей священниковъ и мелкой русской шляхты на государственную службу и въ городскіе магистраты. Однако, польскіе помѣщики долго не могли примириться съ этимъ мѣропріятіемъ австрійскаго правительства.

Въ 1777 году правительство принуждено было снова вступить за русскихъ священниковъ и воспретить гнать ихъ на панщину³⁾. Однако, и это запрещеніе мало помогло: въ 1792 г. священникъ изъ Ялинковатаго въ Скольщинѣ работалъ въ понедѣльникъ Свѣтлаго Воскресенія на пашнѣ помѣщика. Опять должно было появиться новое запрещеніе придворной канцеляріи⁴⁾. Только воззваніе Костюшка къ польской шляхтѣ, чтобы она иначе поступала съ уніатами и старалась пріобрѣсти ихъ благосклонность для польской идеи, расположило помѣщиковъ въ смыслѣ челоуѣколюбія къ русскому духовенству.

Галицкій сельскій уніатскій священникъ во время занятія Галичины Австріей внѣшностью своєю ничѣмъ не отличался отъ селянина. Въ изношенной крестьянской одеждѣ, съ трубкой въ зубахъ и кнutomъ въ рукѣ, погонялъ онъ быковъ и лошадей, пахалъ, жалъ и косилъ самъ⁵⁾. Его жена прилежно помогала ему въ этомъ трудѣ, занимаясь работою въ полѣ, огородѣ и въ кухнѣ. Мѣстныя тяжкія условія быта выработали типъ сельской попады, успѣвавшей и работать безъ отдыха, съ ранней зари до захода солнца, и воспитывать здоровыхъ дѣтей. Соборъ уніатскихъ епископовъ

1) M. Malinowski: «Kirchen und Staats-Satzungen bezüglich des griech. katol. Ritus der Ruthenen in Galizien». Львовъ. 1871, стр. 304—306.

2) Тамъ же, стр. 306.

3) Harasiewicz: «Annales Ecclesiae ruthenae», стр. 580.

4) Н. П. Устіановичъ: «Местъ верховинца». Львовъ. 1879, стр. 84, прим. 4.

5) Kratter: «Briefe über den jetzigen Zustand von Galizien». Лейпцигъ. II, стр. 1—7. J. Rohrer: «Bemerkungen auf einer Reise durch Ost-und Westgalizien». Вѣна. 1804, стр. 94—96.

и архимандритовъ въ 1764 г. удостовѣрилъ, что «*русскія попадѣи содержатъ собственнымъ трудомъ своихъ мужей и что холостой русскій священникъ въ виду своей бѣдности не могъ бы существовать*». Попадѣя была такъ же презираема, какъ и ея супругъ. Имъ нельзя было появляться вмѣстѣ публично, ѣхать въ одной повозкѣ. Несмотря на это, она укрѣпила семейныя добродѣтели, и ея трудолюбіе и хозяйственныя способности сохранились до половины XIX вѣка, уступивъ въ новѣйшее время въ Галичинѣ во многихъ случаяхъ мѣсто неряшливости и оплошности.

Доступъ въ священническій санъ въ послѣднее время Рѣчи Посполитой, какъ и прежде, былъ открытъ людямъ всякихъ сословій: сыновьямъ священниковъ, мѣщанъ, мелкой шляхты и крестьянъ; послѣднимъ, однако, лишь съ соизволенія помѣщика, хотя это рѣдко случалось.

Для приготовленія будущихъ священниковъ уніатская іерархія и Римъ не сдѣлали почти ничего. Въ Римѣ существовалъ родъ семинаріи уніатовъ подъ названіемъ греческой коллегии св. Аѳанасія, но изъ прикарпатскихъ русскихъ туда мало кто попадалъ. Перемышльскій епископъ Георгій Винницкій хотѣлъ учредить семинарію въ Перемышлѣ и опредѣлить на эту цѣль въ 1712 г. фондъ въ 400.000 злотыхъ, но по чьему-то внушенію этотъ фондъ онъ отпустилъ латинскому ордену театиновъ во Львовѣ съ условіемъ, чтобъ они воспитывали извѣстное число русскихъ питомцевъ. Этотъ фондъ впоследствии увеличилъ епископъ Устрицкій. Театины сначала содержали 6 уніатскихъ питомцевъ, но потомъ перестали принимать русскихъ, отговариваясь недостаткомъ средствъ. Въ 1753 г. папа Бенедиктъ XIV приказалъ на средства конгрегации *de propaganda fide* принимать въ эту семинарію уніатскихъ воспитанниковъ изъ епархій Луцкой, Перемышльской и Львовской. Дѣйствительно, былъ принятъ одинъ воспитанникъ, воспитывавшійся 4 года, но послѣ него уже никто изъ уніатовъ не удостоился этой милости¹⁾. Болѣе усердно дѣломъ подготовки будущихъ священниковъ занимались Перемышльскіе русскіе епископы. Въ эпоху занятія Галичины Австріей въ Перемышлѣ существовала епархіальная семинарія при церкви Пресв. Троицы на предмѣстьѣ Подгорье. Въ этой семинаріи преподавали около 1780 г. Игнатій Витошинскій—нравоучительное и Яковъ Лапчинскій—пастырское богословіе. Предметы преподавались по-русски по рукописнымъ руководствамъ, хранящимся до сихъ поръ въ бібліотекѣ перемышльскаго собора крылошанъ²⁾. Эта семинарія была закрыта въ 1784 г. Въ Луцкѣ епископъ Сильвестръ Рудницкій-Любенецкій (1751—1777) также содержалъ учебное заведеніе въ родѣ семинаріи. Это былъ деревянный домъ въ Резпицахъ, въ которомъ, кромѣ комнатъ для воспитанниковъ, находилась лавка съ сукномъ и товарами,

¹⁾ Добрянскій: «Исторія епископовъ трехъ соединенныхъ епархій», стр. 52.

²⁾ Тамъ же, стр. 76.

необходимыми для священническаго облаченія. Здѣсь жилъ также епископскій портной. Епископъ Рудницкій поочередно приглашалъ сельскихъ священниковъ, велѣлъ имъ брить бороды и шить «реверенды» и въ такомъ видѣ отпускалъ ихъ домой. Кандидатовъ духовнаго званія держалъ онъ цѣлый годъ, обучалъ ихъ богословію и потомъ рукополагалъ. Всѣ, пребывавшіе въ семинаріи, должны были платить за содержаніе, науку и спитую имъ одежду ¹⁾. И въ Холмѣ, и Львовѣ было обыкновеніемъ нѣкоторое время держать кандидатовъ духовнаго званія при епископѣ, испытывать ихъ способности и обучать богословію. Для облегченія науки въ 1760 г. издана была книга: «Богословіе правоучительное, содержащее въ себѣ поученіе о св. Тайнахъ, о добродѣтеляхъ богословскихъ, о заповѣдяхъ Божіихъ... вкратцѣ собранное... до сана іерейскаго готовящимся благопотребное». (Львовъ, 1760).

Поступавшіе въ іерейскій санъ имѣли двоякую подготовку: «латинскую» и «русскую» науку. Первыхъ было весьма мало, ибо окончившіе латинскую школу предпочитали поступать на службу къ помѣщикамъ и принимать должности городскихъ писарей. Школъ латинскихъ во время занятія Галичины Австріей было довольно много: въ Бѣчѣ (колонія акад. краковской), Збаражѣ (эта гимназія переведена въ Бережаны въ 1805 г.), Бучачѣ (гимназія монаховъ чина св. Василія Вел. для шляхты), Дрогобычѣ (школа василіанъ), Ярославѣ (іезуитская гимназія съ 3-лѣтнимъ курсомъ философіи и 4-лѣтнимъ богословія, закрыта въ 1782 г.), Короснѣ (іезуитская), Львовѣ (4 школы: колонія академическая, іезуитская, піярская и театиновъ), Новомъ Сончѣ (академія), Подолницѣ, Перемышлѣ (іезуитская), Ряшевѣ (піярская), Самборѣ (іезуитская), Станиславовѣ (іезуитская), Варяжѣ (піярская), Замостьѣ (академія), Зборовѣ (закрыта въ 1812 г.), Золочевѣ (піярская, закрытая въ 1780 г.; тамъ воспитывался Михаилъ Гарасевичъ ²⁾). Вообще въ Галичинѣ были въ 1772 г. 24 среднія школы, 15 высшихъ и 9 низшихъ (прогимназій).

«Русская» наука состояла въ домашнемъ обученіи русской грамотѣ и чтеніи псалтыря, часослова и св. Писанія. Съ этой цѣлью употреблялись буквари, печатанные въ Вильнѣ, Москвѣ и Кіевѣ, или дьяки (состоявшіе учителями) чертили высокимъ уставомъ буквы на доскахъ, учили ихъ различать и соединять по складамъ и послѣ переходили къ чтенію псалтыря и часослова ³⁾. Затѣмъ молодые люди усваивали нѣкоторыя свѣдѣнія изъ богословія и поступали во священники.

¹⁾ H. Kollataj: «Stan ościeceńia w Polsce», стр. 91.

²⁾ A. Karbowski: «Listy w sprawie wystawy rzeczy szkolnych narodowych». Muzeum X, 4, 1894.

³⁾ Ю. Желеховскій: «Юаннъ Снѣгурскій, его жизнь и дѣятельность». Львовъ. 1894, стр. 39. (Такъ училъ о. Дубинскій въ Бортономѣ до 1833 г.).

Несмотря на недостатки обученія, они были хорошими знатоками церковнаго устава и умѣли утвердить свою паству въ привязанности къ славянскому обряду. Прибывшіе въ Галичину нѣмецкіе чиновники замѣтили громадное вліяніе, производимое этими священниками на народъ.

Уніатское духовенство, за исключеніемъ монаховъ чина св. Василія Вел. и происшедшей изъ нихъ іерархіи, сознавало себя русскимъ и употребляло русскій разговорный языкъ, несмотря на то, что львовскій епископъ Іосифъ Шумлянскій еще въ 1684 г. приказалъ своему духовенству усвоить себѣ польскую рѣчь. Метрическія книги велись тогда почти всюду въ Галичинѣ по-русски, а также различныя записки и замѣтки, сохранившіяся до сихъ поръ, составлены на русскомъ испорченномъ (конечно, подъ вліяніемъ польской рѣчи) языкѣ ¹⁾. Русскіе называли себя тогда «русинами» или «россиянами», а церковно-славянскій языкъ считали своимъ литературнымъ языкомъ. Проповѣди во время поминальныхъ богослуженій за Марію-Терезію и Іосифа II произносились по-славянски, грамоты для духовенства, выходившія изъ епископской канцеляріи во Львовѣ, также были составлены на этомъ языкѣ. Нѣмецкіе ученые и литераторы называли русскихъ, присоединенныхъ къ Австрій, *Reussen* или *Russen*.

Кромѣ этого названія вскорѣ вошелъ въ употребленіе австрійскій officialный терминъ *Ruthenen*. Основаніе этому термину дали папскія буллы и грамоты, издававшіяся по дѣламъ уніатовъ. Въ нихъ всегда соединенные съ римскою церковью русскіе назывались *Rutheni*, и это названіе до того привилось въ уніатской іерархіи, что она даже въ нѣмецкихъ своихъ письмахъ австрійскому правительству постоянно употребляла этотъ терминъ. Австрійское правительство, старавшееся германизовать своихъ подданныхъ и препятствовать развитію ихъ національнаго сознанія, подхватило этотъ терминъ, сущность котораго состояла главнымъ образомъ въ религіозныхъ особенностяхъ. Оно, какъ и римская курія, въ своихъ рутенахъ видѣло лишь греко-католиковъ и въ этомъ духѣ постановило воспитывать галицко-русское духовенство. Приобрѣтенные Австріей рутены должны были сознавать себя прежде всего уніатами, а не принадлежащими къ какой-либо національности. Придворнымъ рѣшеніемъ 3 августа 1776 г. было приказано Львовской губерніи «*по политическимъ и религіознымъ соображеніямъ*» отстаивать лишь «греко-католическій обрядъ» и водворить согласіе между латинниками и греко-католиками.

Этимъ курсомъ вѣнскаго правительства воспользовался тогдашній львовскій епископъ Левъ Шептицкій, самая замѣчательная личность, сыграв-

¹⁾ Все эти записки и замѣтки тщательно собралъ А. С. Петрушевичъ и помѣстилъ въ своихъ «Сводныхъ лѣтописяхъ».

шая большую роль въ исторіи Галицкой Руси. Вступивши въ 1749 г. въ епископскую столицу, онъ задумалъ освободить униатскую церковь отъ преобладающаго вліянія монаховъ чина св. Василія Вел., доставлявшихъ, на основаніи постановленій Замостскаго синода (1720 г.), епископовъ для униатскихъ кафедръ и управлявшихъ собственно униатскою церковью съ тѣхъ поръ, какъ они на Литвѣ въ 1625 г. и на Руси въ 1739 г. освободились отъ епископской власти и, кромѣ того, заняли при владыкахъ мѣсто сопомощниковъ и совѣтниковъ въ управленіи паствою. Такимъ образомъ епископы попали въ полную зависимость отъ василіанскаго ордена, проникнутаго польско-католическимъ духомъ, никогда не поднимавшаго голоса въ защиту униіа, а, напротивъ, способствовавшаго переходу униатовъ въ латинство. Василіане привлекли, конечно, Николая Потоцкаго, воеводу белзскаго († 1782), къ униіа, но это пріобрѣтеніе было незначительнымъ въ сравненіи съ потерями, какія понесла униіа во время ихъ преобладанія. Въ 1758—1765 гг. въ одной Львовской епархіи перешло изъ униіа въ латинство 1200 знатнѣйшихъ лицъ. Василіане ненавидѣли бѣлое униатское духовенство, стоявшее на русско-національной почвѣ, не старались объ его образованіи и намѣревались, повидимому, латинизовать весь русскій народъ. Въ виду такого положенія дѣлъ, сломить власть василіанъ въ униатской церкви и отдать управленіе ея въ руки бѣлаго духовенства—значило положить предѣлъ латинизаціи униіа и спасти Русь отъ колонизаціи.

Епископъ Левъ Шептицкій, задумавъ освободить себя отъ василіанъ, рѣшилъ устроить при епископской кафедрѣ, по образцу латинской церкви, капитулъ изъ бѣлаго духовенства,—капитулъ, который составлялъ бы совѣтъ епископа. Это не было нововведеніемъ, а лишь возобновленіемъ древняго собора крылошанъ, существовавшаго при православныхъ епископахъ въ южной Руси. Шептицкій въ первые годы своего епископства назначилъ канониковъ и прочихъ изъ капитула, а въ 1769 г. пригласилъ львовскихъ василіанъ предъ судъ и отнялъ у нихъ право на львовскія церкви. На защиту василіанъ выступилъ папскій нунцій въ Варшавѣ, но такъ какъ Австрія вскорѣ заняла Галичину, то процессъ епископа съ василіанами долженъ былъ рѣшиться въ Вѣнѣ. Въ Римѣ опъ ничего въ этомъ дѣлѣ не добился. Правда, ему удалось-было испросить у папы буллу, подтверждающую униатскіе капитулы, но въ послѣднюю минуту, когда булла была уже готова, велѣдствіе происковъ львовскаго латинскаго архіепископа Сѣраковскаго, рѣшеніе папы было отмѣнено и подтвержденіе капитуловъ не состоялось ¹⁾.

Въ 1773 году Шептицкій послалъ въ Вѣну своего уполномоченнаго каноника Ивана Гудза, проживавшаго пятнадцать лѣтъ въ качествѣ гу-

¹⁾ M. Malinowski: «Die Kirchen u. Staats-Satzungen bez. des griech. kath. Ritus der Ruthenen in Galizien». Львовъ. 1861, стр. 300.

вернера въ домахъ польскихъ вельможъ, много путешествовавшаго и усвоившаго иностранныя языки и великосвѣтскія манеры. Дѣльнымъ сопомощникомъ Шептицкаго былъ его генеральный офиціалъ Антоній Левинскій, изготовлявшій отъ имени епископа отчеты и другіе документы для правительства. Къ Гудзѣ поступали всѣ прошенія по дѣламъ галицко-уніатской церкви, отъ имени которой выступалъ Левъ Шептицкій, какъ сопомощникъ митрополита съ 1762 г. Гудзъ добился аудіенціи у Маріи-Терезіи 26 февраля 1776 г. Онъ жаловался ей, что латинскіе епископы хотять подчинить уніатскихъ епископовъ своей власти и что ходитъ слухъ, будто греко-католикамъ будетъ дано право свободно переходить въ латинство. «Умаленіе нашего обряда и строгіе посты,—сказалъ Гудзъ,—толкнуть многихъ въ латинскій обрядъ». «Не меньше отшатнетъ многихъ отъ русскаго обряда и нужда,—продолжалъ Гудзъ,—я самъ, если бы руководился матеріальными побужденіями, перемѣнилъ бы мой обрядъ, ибо имѣю лишь 75 гульденовъ въ годъ на содержаніе». Императрица изумилась такой бѣдности. Гудзъ просилъ императрицу объ утвержденіи русскихъ капитуловъ и о воспрещеніи перехода изъ греко-католическаго обряда въ латинскій. Императрица обѣщала исполнить эти желанія и успокоила Гудза на счетъ его опасеній относительно подчиненія уніатскихъ епископовъ латинскимъ. «Вотъ,—сказала она,—теперь освобождены Мукачевскій и Фогарашскій уніатскіе епископы отъ подчиненія латинникамъ, то же послѣдуетъ съ Великоварадинскимъ епископомъ. У меня хорошіе и честные греко-католическіе епископы».

Противъ установленія капитуловъ латинскій львовскій архіепископъ Сѣраковскій и орденъ василіанъ чрезъ своего протоигумена Онуфрія Братковскаго въ 1775 году внесли представленіе въ Вѣну. Вообще Сѣраковскій враждебно относился къ уніатамъ. Когда Шептицкій послѣ смерти Володковича (въ 1778 г.) былъ избранъ въ митрополиты и торжественно въѣзжалъ во Львовъ, каедральные латинскіе викаріи бросились на свиту митрополита и хотѣли вырвать изъ рукъ архіерейскій крестъ у ѣхавшаго впереди на конѣ священника Протанскаго, который отогналъ ихъ арапникомъ ¹⁾. Въ 1779 г. Сѣраковскій старался воспретить львовскимъ русскимъ устройство публичнаго богоявленскаго водосвятія. По настоянію губерніи онъ примирился въ 1780 г. съ Шептицкимъ и вмѣстѣ со своимъ капитуломъ сдѣлалъ визитъ уніатскому митрополиту, принявшему Сѣраковскаго съ большими почестями, при звонѣ колоколовъ, въ окруженіи своего духовенства. Козни латинниковъ ослабѣли, и когда Шептицкій предъявилъ необходимыя для содержанія капитуловъ смѣты, онѣ были утверждены Іосифомъ II: 5 октября 1786 г. для Львова и въ 1787 г. для Перемышля. Каноникамъ и совѣтникамъ консисторіи позволено было носить, какъ отличіе, золотые кресты червоннаго цвѣта съ изображеніемъ

¹⁾ А. С. Петрушевичъ: «Сводная галицко-русская лѣтопись 1772—1800», стр. 124.

св. Георгія и Покрова Пресв. Богородицы—для Львова и св. Іоанна Крестителя и Божіей Матери—для Перемышля. Затѣмъ, однако, по неизвѣстнымъ причинамъ правительство отмѣнило это свое постановленіе и только при императорѣ Францѣ I капитулы были окончательно утверждены: во Львовѣ въ 1813 г. и въ Перемышлѣ въ 1816 г.

Власть василіанъ въ галицко-уніатской церкви была сломлена. Имъ ставили въ вину, что они не успѣли обратить въ унию православныхъ монаховъ въ скитѣ Манявскомъ. Василіане извинялись, говоря, что ихъ миссіонерская дѣятельность не распространяется «на Валахію» и что ближайшіе сосѣди православныхъ монаховъ, театины изъ Городенки, не успѣли пріобрѣсти для униіи этого единственнаго православнаго монастыря въ Галичинѣ. Чтобы себя оправдать въ глазахъ австрійскаго правительства, провинціалъ василіанскій Іоаннъ Братковскій совѣтовалъ (въ 1775 г.) насильственно уничтожить упомянутый монастырь. Несмотря на старанія василіанскаго ордена и его латинскихъ покровителей, въ 1779 г. было издано императорское постановленіе, отмѣняющее постановленіе Замостскаго собора и позволяющее выбирать епископовъ изъ бѣлаго духовенства. Въ силу этого постановленія, послѣ смерти Льва Шептицкаго, епископомъ львовскимъ императоръ 24 января 1780 г. назначилъ Бѣлянскаго. Василіане были подчинены власти епископовъ и должны были оставить забранныя ими церкви, въ томъ числѣ также епископскую церковь св. Георгія во Львовѣ. Нѣкоторые изъ монаховъ-василіанъ жили при церкви св. Георгія до 1812 г., послѣ же переселились частью въ другіе василіанскіе монастыри, частью въ Почаевъ, куда и забрали съ собою часть грамотъ.

Другимъ дѣломъ, заботившимъ Льва Шептицкаго, былъ переходъ униатовъ въ латинство. Латинское духовенство, особенно же архіепископъ Сѣраковскій, усердно старалось, чтобы такой переходъ былъ разрѣшенъ, и въ 1775 г. Сѣраковскій обратился съ просьбой объ этомъ къ вѣнскому правительству. 3 августа 1776 г. австрійское правительство предоставило право перехода изъ одного обряда въ другой, но въ слѣдующемъ году приказало держаться папскихъ буллъ. Какія же были эти буллы? Русскіе ссылались на письмо Урбана VIII отъ 7 февраля 1624 г., на энциклику *Demandatam coelitus* отъ 24 декабря 1743 г. и конституцію *Allatae sunt* отъ 26 іюля 1755 г., которыми переходъ изъ греческаго обряда въ латинскій допускался лишь съ соизволенія папы. Однако, польское духовенство возражало, что письмо Урбана VIII на требованіе короля и польскихъ чиновъ было измѣнено въ томъ смыслѣ, что переходъ въ латинство воспрещался лишь униатскому духовенству, но не мірянамъ; энциклика 1743 г. относилась лишь къ греко-мельхитскимъ униатамъ; конституція же 1755 г.—къ униатамъ на Востокѣ, но никакъ не къ Польшѣ. Вслѣдствіе такого толкованія папскихъ энцикликъ, переходъ въ латинство со-

вершался въ громаднѣхъ размѣрахъ. Римскій обрядъ принялъ остатокъ униатскихъ помѣщиковъ, кромѣ всѣхъ государственныхъ и городскихъ чиновникѣвъ, множество мѣщанъ въ большихъ городахъ, какъ во Львовѣ, Перемышлѣ и проч. Всѣ усилія русскихъ епископовъ положить предѣлы такому отступничеству были напрасны.

Угнетеніе василіанскихъ монаховъ вѣпскимъ правительствомъ и передача управленія униатской церкви въ руки блага духовенства были слѣдствіемъ направленія внутренней политики Юсіфа II. Основаніе этой политикѣ далъ министр Маріи-Терезіи Гаугвитцъ, а сущностью ея былъ такъ-называемый бюрократизмъ, т.-е. соединеніе всѣхъ государственныхъ дѣлъ въ рукахъ правителя и его чиновниковъ. Такъ какъ католическая церковь пользовалась широкою автономіей, то противъ нея прежде всего и были направлены удары. Въ 1763 г. католическій священникъ Іоаннъ Гонтгаймъ (подъ псевдонимомъ Юстина Фебронія) издалъ книгу на латинскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: «О становищѣ церкви и законной власти римскаго папы» ¹⁾. Въ ней онъ доказывалъ, что власть папы должна ограничиваться лишь первенствомъ въ церковныхъ дѣлахъ. Примѣнительно къ воззрѣніямъ, изложеннымъ въ сей книгѣ, правительство также стремилось сосредоточить въ своихъ рукахъ управленіе католическихъ церковныхъ дѣлъ. Такъ какъ власть папы основывалась на многочисленныхъ орденахъ, то правительство принялось за уменьшеніе чрезмѣрнаго количества монастырей. Орденъ іезуитовъ былъ упраздненъ самимъ же папою въ 1773 г.; такую же судьбу австрійское правительство приготовило многимъ монастырямъ въ имперіи.

Въ Галичинѣ упразднены были въ 1783 г.; слѣдующіе русско-униатскіе монастыри ²⁾: Бабянка (возлѣ Бучача), Бесѣды (возлѣ Жолквы), Бѣлина (въ Самборщинѣ), Бѣльче, Бучина (въ Золочевскомъ), Верхрата (въ Жолковскомъ), Вицинь, Волевинъ, Грабина, Голубица (въ Золочевскомъ), Горпинъ, Городище (возлѣ Кристинополя), Добряна, Добротворъ, Деравлянская Волица, Дорожевъ, Задаровъ, Заваловъ, Збаражъ, Крылось, Каменка Струмилова, Лѣсокъ или Чернилава, Лѣшня (возлѣ Дрогобыча), Летня, Лука, Падыковъ, Питричь (возлѣ Галича), Спасъ (въ Самборщинѣ), Сокулецъ, Струсовъ, Стояновъ, Сваричевъ, Щеплоты, Тербовля, Топольница, Угорники; женскіе монастыри: во Львовѣ, Сасовѣ, Смольницѣ, Загвоздѣ и другихъ мѣстностяхъ. Уневская архимандрія была закрыта въ 1790 г., ея же имѣнія подарены въ 1817 г. львовскому митрополиту. Вообще правительство упразднило свыше 40 русскихъ и 52 польскихъ монастырей въ Галичинѣ въ періодъ 1782—1790 гг. Православный

¹⁾ Justini Febronii: «De statu ecclesiae et legitima potestate romani pontificis liber singularis». Francforti. 1763.

²⁾ А. С. Петрушевичъ: «Сводная галицко-русская лѣтопись 1772—1800», стр. 196.

скитскій монастырь въ Манявѣ былъ уничтоженъ въ 1785 г.; одна часть его библіотеки съ древними рукописями была передана въ Вѣну въ придворную библіотеку, другая перешла въ частныя руки; имѣнія скита сначала были присоединены къ буковинскому православному церковному фонду, затѣмъ въ 1793 г. были выкуплены государствомъ и въ 1812 г. проданы частному лицу ¹⁾. Въ Буковинѣ было уничтожено 28 православныхъ монастырей и оставлены лишь 3 мужскіе (въ Дрогомирнѣ, Путнѣ и Суцавицѣ) и одинъ женскій.

Отъ фондовъ и продажи движимаго и недвижимаго имущества закрытыхъ униатскихъ монастырей правительство выручило около 400.000 гульд., которые присоединило къ религіозному фонду, основанному въ 1782 г. Полученный изъ закрытыхъ латинскихъ монастырей фондъ былъ опредѣленъ на улучшеніе содержанія блага духовенства. Въ 1825 г. онъ составлялъ 10½ мил. гульденовъ. Одновременно съ учрежденіемъ религіознаго фонда было установлено жалованье блага католическаго духовенства: 300 гульд. въ годъ для настоятелей приходовъ, 150 гульд. для ихъ сотрудниковъ и 150 гульд. для немощныхъ священниковъ. Если доходъ отъ церковныхъ имѣній и фондовъ не составлялъ 300 зр., то недостающую сумму доплачивалъ священнику религіозный фондъ.

Червоно-русскій народъ отличался необыкновеннымъ благочестіемъ и привязанностью къ своему обряду. Маленькое сельцо съ 20—30 домами строило у себя церковь и посылало кого-нибудь изъ грамотныхъ односельчанъ къ епископу, чтобъ онъ рукоположилъ его въ іереи. Левъ Шептицкій препятствовалъ чрезмѣрному дробленію приходовъ и предъ рукоположеніемъ іерея требовалъ отъ громады, чтобъ она обезпечила своему священнику соответствующее содержаніе. Несмотря на такую стѣснительную мѣру, въ 1793 г. въ Львовской униатской епархіи было свыше 2000 приходовъ, а въ епархіи Перемышльской—болѣе 1500 ²⁾. Всѣ эти приходы были крайне бѣдные и при многихъ церквахъ было по два-три священника. Такимъ образомъ въ Галичинѣ было тогда 3500 униатскихъ приходовъ, хотя въ силу приказа отъ 12 сентября 1782 г. много ихъ уже было закрыто. Изъ этого можно заключить о количествѣ униатскихъ церквей и приходовъ во время занятія Галичины Австріей.

Названнымъ указомъ правительство повелѣло оставить греко-католическіе приходы лишь въ мѣстностяхъ съ 700 душъ прихожанъ и въ поселеніяхъ, весьма отдѣленныхъ самою природою. Концентрація приходовъ происходила настолько быстро, что уже въ 1803 г. въ епархіяхъ Львовской, Перемышльской, Холмской и Берестейской было лишь 2467

¹⁾ К. Czemyrński: «O dobrach koronnych». Львовъ. 1870, стр. 241.

²⁾ Malinowski: «Kirchen-und Staats Satzungen», стр. 299.

приходовъ, значить, смѣло можно сказать, половина ихъ была закрыта. Закрытие приходоу продолжалось и дальше безъ видимой потребности, такъ что галицко-русскіе епископы, видя въ этомъ мѣропріятіи австрійскаго правительства нерасположеніе къ славянскому обряду, должны были въ 1813 г. протестовать противъ дальнѣйшей концентраціи, тѣмъ болѣе, что одновременно увеличилось число латинскихъ приходоу. Несмотря на протестъ епископоу, правительство продолжало закрывать униатскіе приходы до 1842 г. ¹⁾. Концентраціей былъ нанесенъ ударъ русской народности, которая, такимъ образомъ, лишилась въ Галичинѣ около 1500 семействъ и ихъ потомства, необходимыхъ для пополненія сословія мѣщанъ, разночинцевъ и интеллигенціи. Во Львовѣ были закрыты церкви съ приходами: Воскресенія—1774 (Краковскій участокъ), Богоявленія—1800 (Галицкій участокъ), св. Ѳеодора —1800 (Краковскій участокъ), Честнаго Креста (Лычаковскій участокъ), Спаса (Жолковскій участокъ), Вознесенія, собора Пр. Богородицы на Терновцѣ,—вообще 7 церквей приходскихъ ²⁾. Конечно, это должно было помочь латинизаціи и полонизаціи львовскаго мѣщанства.

Вѣнское правительство могло по своему усмотрѣнію руководить униатской церковью, ибо католическая церковь была подчинена государственной власти многими указами. Закономъ отъ 26 марта 1781 г. каждая папская булла должна была предъ своимъ обнародованіемъ получить одобреніе державной власти (*placetum regium*). Въ силу этого закона въ имперіи воспрещены были буллы: *Coena domini* и *Unigenitus* отъ 1713 г., также не признавались постановленія Замостьскаго собора (рѣшеніемъ отъ 16 марта 1786 г.). Указомъ отъ 21 сентября 1781 г. епископы получили право разрѣшать дѣла о заключеніи супружествъ при каноническихъ препятствіяхъ. Постановленіемъ отъ 21 сентября 1781 г. воспрещено было монахамъ сноситься съ ихъ пастоятелями въ Римѣ. Рѣшеніемъ отъ 21 іюня 1784 года воспрещалось выставлять на видъ мощи угодниковъ Божіихъ; въ 1786 г. было запрещено въ латинскихъ костелахъ освящать хлѣбъ, воду противъ огня, травы и овесъ. Рѣшеніемъ отъ 26 сентября 1782 г. закрыты были всѣ церковныя братства. Постановленіемъ отъ 28 сентября 1783 г. возбрапялось носить статуи при крестныхъ ходахъ, употреблять котлы, трубы и органнй гудокъ въ костельной музыкѣ и въ день Трехъ Королей обкаждать дома; рѣшеніемъ отъ 13 декабря 1784 г. не совѣтывалось богомоліе.

Вслѣдствіе запрещенія церковныхъ братствъ, Львовское Ставропигійское братство очутилось въ опасности. Оно совершенно забыло о сво-

¹⁾ Достопамятное письмо о положеніи гр.-кат. духовенства въ Галичинѣ и Буковинѣ. «Дѣло». 1883, № 23.

²⁾ «Галицкій Истор. Сборникъ». Львовъ. 1853, вып. I.—А. С. Петрушевичъ: «Сводная галицко-русская лѣтопись 1783», стр. 196.